

Д. С. Мережковский

**Полное собрание
сочинений**

Том 13-16

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Полное собрание сочинений: Том 13-16 / Д. С. Мережковский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 931 с.

ISBN 978-5-517-98350-3

ISBN 978-5-517-98350-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мечъ.

I.

«Не миръ пришелъ
Я принести, но мечъ».
Матв. X, 34.

Есть Богъ или нѣтъ? Вотъ, кажется, самый нелюбопытный вопросъ въ наши дни. Кто-то недавно хотѣлъ «убить Бога». Жалкое безуміе—убивать мертваго.

Впрочемъ, живъ Богъ или умеръ—какое дѣло людямъ до Бога? На что имъ Богъ? Они наги—Богъ не одѣлъ ихъ; голодны—Богъ не накормилъ; въ рабствѣ—Богъ не освободилъ. У звѣрей нѣтъ Бога, а люди живутъ хуже звѣрей. Сначала сдѣлайте людей людьми, а потомъ говорите имъ о Богѣ.

Чѣмъ на это возразить? Словами—стыдно; а дѣлами—гдѣ же собственно религіозныя дѣла нашихъ дней? Какъ не доказать, а показать, что религія—самое нужное изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ? Если что-либо въ религіозныхъ переживаніяхъ потеряно окончательно и какъ будто невозвратно, то это именно ощущеніе религіознаго дѣйствія. Пока говоришь о религіи какъ объ идеалѣ всѣ соглашаются или, по крайней мѣрѣ, никто не спорить—кажется, впрочемъ, потому, что всѣмъ наплевать; но только что пытаешься связать религію съ реальною дѣйствительностью, оказываешься или въ дуракахъ, или въ подлецахъ, ибо за память современнаго человѣчества единственная религіозно-общественная реальность—глупость обманутыхъ, подлость обманщиковъ.

Умеръ Богъ въ человѣчествѣ, но не въ человѣкѣ; въ обществѣ, но не въ личности; во всѣхъ, но не въ каждомъ. Потребность религіозная свойственна человѣку въ такой же мѣрѣ, какъ и всѣ естественныя потребности. Религіозное чувство есть высшій метафизическій предѣлъ физиче-

скаго чувства самосохраненія,—предѣлъ, который достигается изъ всѣхъ животныхъ однимъ человѣкомъ, сознающимъ смерть. Я знаю, что умру; но хочу жить и послѣ смерти—вотъ начало религіи. Религія и есть именно то, что отличаетъ видъ животнаго-человѣка отъ всѣхъ прочихъ животныхъ: человѣкъ—религіозное животное.

Едва ли даже люди, чуждые всякой религіи, не соглашались съ тѣмъ, что цѣль и смыслъ жизни есть счастье, и что счастье—любовь. Любить значитъ радоваться тому, что есть любимый, и хотѣть, чтобы онъ всегда былъ; не хотѣть, чтобы онъ былъ, согласиться на то, чтобы его не было, значитъ не любить. Любовь есть реальное и въ то же время трансцендентное утвержденіе личнаго бытія. Смерть есть такое же реальное, и въ то же время трансцендентное отрицаніе этого бытія, уничтоженіе личности. Всякая жизнь побѣждается смертью. Чтобы дать жизни смыслъ, мы должны въ любви утверждать вѣчное бытіе личности; но смертью, уничтожающей личность, уничтожается и любовь,—единственный возможный для человѣка смыслъ жизни.

Для того, чтобы понять неотразимость этой антиноміи, нуженъ опытъ любви и смерти. У всякаго человѣка онъ былъ или будетъ. Всякій человѣкъ въ извѣстное мгновеніе своей сознательной жизни приводится двумя величайшими реальностями бытія—любовью и смертью—къ необходимости религіи. Всякій человѣкъ болѣе или менѣе знаетъ, что такое Богъ, потому что болѣе или менѣе знаетъ, что такое любовь и смерть.

Когда умираетъ любимый, любящій не перестаетъ любить. Это—чудо или безуміе. Какъ я могу любить умершаго или даже того, кто можетъ умереть, долженъ умереть? Не утверждается ли для меня абсолютно въ моей любви то самое личное бытіе, которое столь же абсолютно отрицается въ смерти? Я знаю, что любовь—сущность моей жизни, и что я только потому, только тѣмъ и живу, что люблю. Но, признавъ, что смерть есть уничтоженіе личности, и все-таки любя мертваго, смертнаго, я утверждаю волею то, что отрицаю разумомъ, утверждаю, что есть то, хочу, чтобъ всегда было то,

чего, я знаю, уже нѣтъ или завтра не будетъ. Утверждаю и отрицаю одно и то же,—безумствую. И люблю, живу только до тѣхъ поръ, пока безумствую; а едва возвращаюсь къ разуму, перестаю жить. Мой разумъ отрицается моей жизнью; моя жизнь отрицается моимъ разумомъ. Остается одно изъ двухъ: или, принявъ эту нелѣпость, отказаться отъ разума, предаться неисцѣлимому безумію; или, не покоряясь эмпирической безвыходности, искать уже не эмпирическаго, а трансцендентнаго выхода.

Его-то и указываетъ религія. Но, когда нѣтъ религіи, которая могла бы дать единый истинный выходъ, люди подмѣняютъ ее многими ложными, какъ созерцательными, такъ и дѣятельными.

II.

Одинъ изъ такихъ ложныхъ выходовъ созерцательныхъ—искусство какъ религія.

Послѣдній религіозный предѣлъ искусства — трагическое созерцаніе міра. Личность героя въ трагедіи, достигая высшаго проявленія воли, гибнетъ въ борьбѣ съ безличною силою рока или страсти. Въ мнимомъ идеальномъ исходѣ эстетическаго созерцанія только углубляется реальная безысходность міроваго зла.

Величайшее благо —
Совсѣмъ не рождаться,
А родившись,
Умереть поскорѣй.

Подъ радужнымъ покровомъ мимолетныхъ символовъ прозрѣвается искусствомъ вѣчный мракъ ничтожества, заложенный въ основу міра. Нѣтъ и не можетъ быть красоты, потому что всякая красота жизни побѣждается уродствомъ смерти.

Когда же искусство, выходя изъ предѣловъ своихъ и становясь на мѣсто религіи, ищетъ примиренія съ трагическимъ смысломъ бытія въ самомъ себѣ, то творящая эстетика вырождается въ бесплодный эстетизмъ всѣхъ упадковъ. Творчество до тѣхъ поръ только и живо, пока символы его имѣютъ религіозный смыслъ, болѣе глубокой, чѣмъ эсте-

тической. Самая жалкая карикатура на творцовъ-художниковъ—эстеты, академическіе скопцы, никогда ничего не рождавшіе. Эстеты—могильные черви, развѣдающіе трупъ искусства.

Другой ложный созерцательный исходъ—наука какъ религія.

Созерцаніе научное, на послѣднихъ предѣлахъ своихъ, приходитъ къ тому же, къ чему эстетическое. Въ міровомъ процессѣ эволюціи познается вѣчность матеріи, вѣчность движенія и мимолетность всякой отдѣльной жизни, всякой личности. Личность—преходящее явленіе безличной непреходящей силы. Безсмертно—Все; но безсмертіе Всего—смерть всѣхъ. Природа создаетъ для того, чтобъ уничтожить созданное, — какъ ненасытный Кроносъ пожираетъ дѣтей своихъ.

Наукою, такъ же, какъ и искусствомъ, не разрѣшается, а углубляется противорѣчіе любви и смерти, послѣдняго *да*, которое я хочу сказать себѣ и людямъ въ сознаніи любви, и послѣдняго *нѣтъ*, которое я долженъ сказать себѣ и людямъ въ сознаніи смерти. Наукою, такъ же, какъ и искусствомъ, только утверждается безысходность и непобѣдимость мірового зла. Въ эволюціонномъ процессѣ все личное приносится въ жертву безличному, все живое—мертвому, все любящее, утверждающее—ненавидящему, отрицающему жизнь, — вотъ предѣлъ научнаго созерцанія, предѣлъ отчаянія. Ежели сущность мірового бытія открывается мнѣ лишь въ бытіи моей личности, а бытіе личности — только временная форма вѣчнаго небытія; ежели я—не болѣе, чѣмъ «явленіе», пузырь, сегодня вскочившій на поверхности невѣдомой стихіи, чтобы завтра лопнуть, то ужъ лучше бы мнѣ ничего не знать, чѣмъ, зная это, согласиться на такой бессмысленный позоръ и ужасъ.

Одинъ изъ выходовъ дѣятельныхъ: семья, родъ, какъ религія.

Я умру, но дѣти, внуки, правнуки мои будутъ жить, и я въ нихъ. Здѣсь противорѣчіе не разрѣшится, а только переносится изъ настоящаго въ будущее, изъ одного поко-

лѣнія въ другое. Чѣмъ безсмысленная, позорная и ужасная жизнь потомковъ лучше безсмысленной, позорной и ужасной жизни предковъ? Ежели смерть уничтожаетъ смыслъ моей жизни, то почему не уничтожить она смысла жизни дѣтей моихъ, и внуковъ, и правнуковъ?

Впрочемъ, никакими умственными доводами нельзя возразить сколько-нибудь успѣшно на религію рода, которая есть плодъ не ума, а животной жизни. Родители видятъ или хотѣли бы видѣть религіозный смыслъ своей жизни въ дѣтяхъ. Но достаточно ребенку умереть, чтобы, безъ всякихъ умственныхъ доводовъ, а всеѣмъ существомъ своимъ, тою же самою силою животной жизни, которая заставляла ихъ любить ребенка, они поняли, что этотъ смыслъ—безсмыслица. Если я люблю то, что есть, но что можетъ не быть, должно не быть, то, въ послѣднемъ счетѣ, это значить, что я люблю то, чего нѣтъ,—люблю ничтожество, небытіе. Религія рода—такая же скрытая религія небытія, какъ религія искусства и науки.

Второй исходъ дѣятельный—общественность какъ религія.

Для современнаго человѣчества это изъ всеѣхъ мнимыхъ религіозныхъ исходовъ—самый соблазнительный. Ежели смыслъ всякой жизни личной уничтожается смертью, то надъ смысломъ жизни всеобщей, всемірной смерть, будто бы, не имѣетъ власти, ибо человѣкъ—смертенъ, человѣчество—безсмертно, человѣкъ—относительное, человѣчество—абсолютное, человѣкъ—средство, человѣчество—цѣль.

Религія общественности, какъ и религія рода, возникаетъ не изъ новаго религіознаго сознанія, а изъ первобытнаго животнаго инстинкта: это тотъ же самый инстинктъ въ людяхъ, который заставляетъ пчелъ собираться въ улей, муравьевъ—въ муравейникъ. Возраженія противъ пчелинаго и муравьиного безсмертія уже много разъ дѣлались, но они всегда были и будутъ недействительными для тѣхъ, кто подчиняетъ свое сознаніе своему инстинкту.

Прежде всего, разумѣется, безсмертіе человѣческаго улья и муравейника столь же сомнительно, какъ безсмертіе

настоящаго улья и муравейника: неминуемый конец нашего земнаго міра есть и конецъ человѣчества. И какъ отдѣльному человѣку, достигшему той степени сознанія, на которой смерть становится реальнѣйшей изъ всѣхъ реальностей, такъ и всему человѣчеству, достигшему этой же степени сознанія,—совершенно безразлично, наступитъ ли конецъ завтра или черезъ много тысячелѣтій. Если даже конецъ только *можетъ* наступить, одна такая возможность уничтожаетъ всякую реальность временнаго бытія.

Второе возраженіе, столь же обыкновенное и вѣрное, хотя столь же недѣйствительное для слѣпого инстинкта, заключается въ томъ, что если отдѣльная человѣческая жизнь, уничтожаемая смертью, въ послѣднемъ счетѣ, есть нуль, то и жизнь всѣхъ людей, всего человѣчества, сумма нулей—тоже нуль. Потребность выйти изъ кореннаго противорѣчія бытія есть потребность личности, которая дошла до сознанія своей абсолютной цѣнности. Но религія общественности, коллективизмъ, въ своемъ мистическомъ предѣлѣ, который въ современномъ социализмѣ уже предчувствуется, хотя еще не сознается, жертвуетъ личностью безличному цѣлому, старой ли государственности, новой ли социалистической общественности, это все равно, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ споръ между личностью и обществомъ, Однимъ и Всѣми, рѣшается, *въ послѣднемъ счетѣ*, внѣшнею насильственной властью, принудительнымъ воздѣйствіемъ государства или общества на личность, Всѣхъ на Одного. Вотъ почему социализмъ, какъ религія, не разрѣшаетъ, а только устраняетъ религіозную прблему абсолютной личности.

Основатель «религіи человѣчества», Контъ чувствовалъ это затрудненіе и, стараясь выйти изъ него, сдѣлалъ попытку перенести высшую самоцѣнную реальность личности съ человѣка на человѣчество—въ представленіи Великаго Существа, Grand-Etre. Но самые вѣрные изъ учениковъ Конта, не безъ нѣкотораго основанія, признаютъ, что учитель измѣнилъ позитивному методу и вернулся къ теологіи, когда воплотилъ отвлеченное представленіе Всечеловѣческой Общины въ таинственную Личность «женскаго пола»,

весьма напоминающую Великую Матерь Кибелу языческой мифологии или «Жену, облеченную въ солнце»—Апокалипсиса. Можетъ-быть, контовская идея Человѣчества, какъ Личности, когда-нибудь и осуществится, но уже въ порядкѣ не научно-аналитическаго, а религіозно-синтетическаго мышленія. Во всякомъ случаѣ, для современнаго социализма эта, воистину вѣщая, хотя самимъ творцомъ не до конца сознанная, идея никакого рсального значенія не имѣеть.

Социализмъ, какъ наука, связанъ былъ нѣкогда съ революціонными идеями юнаго индивидуализма, личной свободы, личнаго достоинства, съ «деклараціей правъ чело-вѣка»; но социализмъ, какъ религія, въ разрѣшеніи послѣднихъ проблемъ бытія, приходитъ къ совершенному отрицанію индивидуализма, къ понятію чело-вѣческой личности, какъ относительнаго,—общества, какъ абсолютнаго. Только жертвуя личнымъ безличному, социализмъ, повторяю, какъ будто разрѣшаетъ, а на самомъ дѣлѣ устраняетъ неразрѣшимую антиномію Одного и Всѣхъ, Личности и Общества.

III.

Итакъ, ложными оказываются всѣ религіозные исходы наука, искусство, родъ, общественность. Это значитъ, что религіозный смыслъ міра уже потерянъ или еще не найденъ современнымъ чело-вѣчествомъ. Міръ—безсмыслица, жизнь—неисцѣлимое зло—вотъ послѣднее, можетъ-быть, не сказанное, но неминуемое слово современнаго религіознаго или антирелигіознаго сознанія. Если Богъ есть, то людямъ остается только проклясть Бога.

Корни чело-вѣчества—въ религіи. Когда корни засохли, то дерево можетъ еще нѣкоторое время зеленѣть. Такое дерево на сухихъ корняхъ—современная европейская культура; нижнія вѣтви продолжаютъ зеленѣть, но вершина вянетъ и желтѣетъ на нашихъ глазахъ. Эти первые желтые листья всемірной осени, это начало конца есть то, что называлось нѣкогда «міровою скорбью», потомъ «пессимизмомъ», «нигилизмомъ», а въ настоящее время не имѣетъ себѣ имени: пока

были слова, люди говорили, теперь они молчатъ или говорятъ о другомъ. Нѣкоторыя пѣсни Леопарди и Байрона, подобныя воплямъ, нѣкоторыя страницы Мопассана и Тургенева, подобныя предсмертнымъ письмамъ самоубійць, даютъ заглянуть въ бездну этой скорби, о которой сказано: *будетъ скорбь, какой не было отъ начала міра*. Но лица безмолвныхъ прохожихъ, иногда встрѣчаемыхъ въ многолюдствѣ большихъ городовъ, говорятъ намъ яснѣй всякихъ словъ о такой глубинѣ человѣческой безнадежности, которая не нашла и, можетъ-быть, никогда не найдетъ своего выраженія ни въ какихъ философскихъ построеніяхъ, ни въ какихъ поэтическихъ вопляхъ.

Послѣдній выводъ пессимизма есть буддійскій нигилизмъ, созерцательная религія небытія. Та же религія въ дѣйствиіи есть послѣдній выводъ анархизма.

Въ настоящее время говорить объ анархизмѣ, какъ о реальномъ явленіи общественномъ, почти невозможно. Научно-философское обоснованіе анархической общественности принадлежитъ будущему. А въ современной зачаточной стадіи своей анархизмъ есть, по преимуществу, лишь анархическій индивидуализмъ. Нѣкоторыя прозрѣнія Л. Толстого и Бакунина, Штирнера и Ницше, Ибсена и Достоевскаго даютъ пока лишь отвлеченныя проекціи въ тѣ предѣльныя состоянія души современнаго человѣка, которыя донинѣ оставались личными, частными, но дѣлаются все болѣе общими и должны, наконецъ, сдѣлаться общественными. Впрочемъ, уже и теперь можно предвидѣть, что въ этихъ послѣднихъ метафизическихъ выводахъ своихъ анархизмъ, утвержденіе безобщественной личности, окажется полярно-противоположнымъ социализму, утвержденію безличной общественности. Вольно или невольно, анархизмъ снова подниметь и обостритъ вѣчную антиномію Личности и Общества, *Одного и Всѣхъ*, которую социализмъ, не разрѣшая, только устраняетъ. Необходимо реальное торжество социализма, чтобы идеальная сила и правда анархизма могла до конца обнаружиться. Исходная точка анархическаго индивидуализма: *я противъ всѣхъ*; неизбѣжный предѣлъ его: *я противъ*

всего. Ежели все уничтожаетъ меня, потому что все ведетъ къ моей смерти, къ небытію моей личности, то послѣднее, возможное для меня утвержденіе Себя есть отрицаніе Всего, уничтоженіе Всего: *Я есмь—и нѣтъ ничего, кромѣ Меня*. Непринятіе міра—не только даннаго, общественнаго, но и всего космическаго порядка, какъ абсолютнаго зла, абсолютнаго насилія—такова бессознательная метафизическая сущность Анархіи, которая, въ настоящее время, повторяю, находится въ состояніи зачаточномъ, и въ которой бунтъ социальный еще никѣмъ не понятъ, какъ первое отдаленное предвѣстіе неизмѣримо грознѣйшаго бунта человѣка противъ міра и Бога, Я противъ Не-Я.

Только будущій анархистъ, человѣкъ послѣдняго бунта, послѣдняго отчаянія есть первый изъ людей, который услышитъ и приметъ благовѣстіе новой религіозной надежды.

IV.

Если бы наступилъ рай на землѣ, въ которомъ человѣчество нашло бы утоленіе всѣхъ своихъ потребностей, не только физическихъ, но и духовныхъ, и одна смерть осталась бы непобѣжденною, непобѣдимую, то человѣкъ, не отказавшись отъ своего человѣческаго достоинства, не могъ бы удовольствоваться этимъ раемъ. Въ какой бы мѣрѣ ни побѣдилъ человѣкъ силы природы, достаточно одной возможности смерти, какъ уничтоженіе личности, для того, чтобы уничтожить всю реальность бытія: ежели смерть есть, то ничего нѣтъ, кромѣ смерти; ежели смерть есть, то все—ничто.

Подобно тому, какъ изъ цѣпи причинъ и слѣдствій нельзя вынуть ни одного звена, не разрушая всей цѣпи, такъ изъ міроваго порядка нельзя вынуть ни одной человѣческой жизни, будь то жизнь Иисуса Назорея или послѣдняго изъ паріевъ, не уничтожая всей реальности бытія. И если бы всѣ люди стали эмпирически безсмертными, но смерть продолжала бы существовать, только какъ метафизическая возможность, хотя бы на отдаленнѣйшихъ предѣлахъ простран-

ства и времени, то человекъ совершеннаго религіознаго сознанія не могъ бы все-таки принять міръ. Религіозное, то-есть абсолютное, утвержденіе жизни требуетъ и абсолютнаго отрицанія смерти, абсолютной побѣды надъ смертью.

И наоборотъ, если бы кто-нибудь, хотя бы одинъ изъ всѣхъ людей, жившихъ на землѣ, не умеръ или вернулся бы изъ смерти въ жизнь, то метафизическая реальность небытія была бы навѣки уничтожена, законъ смерти упраздненъ въ своей непобѣдимости, не только для того единственнаго, кто побѣдилъ смерть, но и для всѣхъ остальныхъ, еще эмпирически подверженныхъ смерти: для него это побѣда совершилась бы въ дѣйствительности, для остальныхъ—въ возможности; но одна возможность иного порядка навѣки уничтожаетъ абсолютную реальность порядка существующаго. Какъ утвержденіе небытія возможно въ томъ случаѣ, если законъ смерти непобѣдимъ, такъ отрицаніе бытія невозможно, если этотъ законъ побѣжденъ, хотя бы жизнью одного существа изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ въ мірѣ. Какъ безсмертіе всѣхъ упразднилось бы смертью одного, такъ смерть всѣхъ упраздняется безсмертіемъ одного. Если бы люди знали, что одинъ изъ нихъ умеръ и воскресъ, такъ же точно и неотразимо, какъ они знаютъ, что всѣ жившіе умерли, то это знаніе преобразило бы весь человѣческій міръ—внѣшній и внутренній, созерцательный и дѣятельный—науку, искусство, нравственность, полъ, общественность—все до послѣдней клѣточки нашего организма, до послѣдней отвлеченности нашего мышленія.

Я не предрѣшаю вопроса о томъ, былъ ли дѣйствительно такой Человѣкъ на землѣ; я только напоминаю реальное явленіе всемірной исторіи, поразительно забытое современнымъ человѣчествомъ: когда-то у людей, правда, у весьма немногихъ и весьма ненадолго, было знаніе о томъ, что Одинъ изъ умершихъ людей воскресъ,—знаніе, которое казалось имъ не менѣе, а болѣе точнымъ и неотразимымъ, чѣмъ теперь кажутся намъ положительныя научныя знанія. И все, что сдѣлано христіанствомъ для человѣчества—а кое-что сдѣлано имъ, дурное или хорошее, это я опять-таки